

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ТОРМЫШ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В этой статье мы рассматриваем различные версии терминов «коннотативный компонент» и «лексема». Также представлены результаты ассоциативного эксперимента, на основе компонента "тормыш" (жизнь).

In this article we show different versions of the term «connotative component or a lexeme» and the results of the associative experiment based in the component of the Tatar life "тормыш" (жизнь).

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, концепт, гендер.

Key words: language consciousness, associative experiment, concept, gender.

Понятие «ассоциация» имеет давнюю историю. В течение многих веков ассоциации были объектом изучения философов, психологов, лингвистов. В лингвистике впервые об ассоциациях в языке заговорил В. Фон Гумбольдт. Анализируя диалектику, объективного и субъективного в языке, он отметил, что взаимопонимание между людьми возникает благодаря тому, что люди «...взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [1: 166]. Основоположник структурализма Ф. де Соссюр, подчеркивая важность исследования отношений, существующих в языке, говорил: «Все, в чем выражено личное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций» [5: 90].

О важности вербальных ассоциаций говорили и ученые Казанской лингвистической школы: Н.В. Крушевский. Он указывал на необходимость ассоциативного подхода к проблеме значения, поскольку слово есть единица психическая и подчиняется одновременно и лингвистическим, и психическим законам, так как мир слов соответствует миру мыслей, а в мире мыслей действует закон ассоциаций [3: 252-258].

Поворот лингвистики к говорящему человеку, к ситуации дал возможность исследователю активно организовывать материал, создавая нужный тип ситуации. Так в лингвистику пришел принцип эксперимента, значительно расширивший возможности изучения закономерностей речевой деятельности [2: 81].

Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В психологическом словаре ассоциативный эксперимент определяется как особый метод исследования мотивации личности [2: 26].

Обычно различают три вида ассоциативных экспериментов: 1) свободный, в котором испытуемому предлагают ответить словом, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – стимула, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова; 2) направленный, в котором экспериментатор некоторым образом ограничивает выбор слова, накладывая определенные ограничения (например, отвечать только существительными и т.д.); 3) цепной, в котором испытуемому предлагают ответить любым количеством слов, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – стимула, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов.

Ассоциативный эксперимент предоставляет прекрасную возможность выявления эмоционально-оценочного компонента слова, а значит и национально-культурной специфики образов сознания носителей разных культур. В результате анализа материалов ассоциативного эксперимента выявляется системность знаний, определяемая этническими стереотипами поведения носителей той или иной культуры. Результаты ассоциативных экспериментов дают возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного сознания признаков концептов.

В ходе ассоциативного эксперимента, нами были опрошены студенты, носители татарского языка, общее количество которых составило 500 человек. Эксперимент проводился в письменной форме. Во время процедуры эксперимента участникам были объяснены общие цели, требования и правила, а также делалась предварительная попытка ассоциативного определения слов разного порядка (конкретные и абстрактные).

Проведенный нами ассоциативный эксперимент носит направленный характер. Мы предложили респондентам анкету, содержащую слово-стимул *тормыш*. Ответы респондентов можно разделить на следующие категории: 1) слово-предмет или слово-явление; 2) слово-признак; 3) слово-действие. Таким образом, более полно и точно можно определить коннотационную нагрузку, а также национально-культурную наполненность слова.

Слово *тормыш* связывается в сознании носителей татарского языка прежде всего с понятием *жизнь* (28,5 % всех опрошенных), передаваемым через такие слова и словосочетания, как *яшәү, яшәеш, көнкүреши, гомер, хәят, яшәү мәгънәсе, яшәеш чыганагы, яшәү рәвеше, бергә яшәү, тормыш итү, гомер итү, язмыш* и др.

Слово *тормыш* часто ассоциируется также с понятием «красоты и наслаждения»: *матур, уен, бахет, рәхәтлек, кызык, хыял, ямь, иминлек* и др. (18,5%).

В сознании носителей татарского языка *тормыш*, являясь вместилищем таких жизненных ценностей, как бог (*Аллаһ-Тәгалә*), здоровье (*саулык*), богатство (*байлык*), может ассоциироваться с чувственным миром, счастьем (*бахет* 1,1 %), любовью (*махәббәт* 0,8 %), радостью (*шатлык* 0,16 %), красотой (*матурлык* 0,8 %). Все эти ассоциации говорят о ярко выраженной положительной коннотации.

11,3 % всех опрошенных ассоциируют со словом *тормыш* понятие «проза жизни.» *газабы, авыр, гаделсез, газабь, мәшәкать, миһнәт, мәгънәсез.*

На четвертом месте по количеству находится «определенный мир» (9 %); варианты ответов: *жәңир, юл, түгәрәк, китап, канат, арба.*

Интересны цветовые ассоциации слова *тормыш*. Они, как и многие другие, содержат в себе противоречия. Например, *тормыш* некоторым видится содержащим все цвета радуги (*салават күперә төсле*) или разноцветным (*чүәр*) – другие представляют его бесцветным (*төссез*) или черно-белым (*каралы-аклы*), также имеет место противоречие белый – черный. В основном же татары видят *дөнья* зеленым (1,3 %) и синим (0,5 %).

В следующих ответах отражена динамичность и нестабильность, приписываемые понятию *дөнья* носителями языка: *төрле, үзгәрүчән, тынчысыз, шау-шулы, тынгысыз, ыгы-зыгылы, хәрәкәтчән, бормалы, өч йөзле, тотрыксыз* (8,5 %).

Среди реакций много слов, обозначенных перспективностью действия со знаком плюс: *үсә, зурая, яңара, яшәрә, матурлана, чәчәк ата, яхшыра, үрчи, байый, киңәя*; и со знаком минус: *бетә, картая, жәимерелә, ватыла, таркала, тилерә, авырая.*

Параллельно с субъектом действия во многих ответах *тормыш* выступает активным: дарует жизнь (*тормыш бирә, яшәтә*), заставляет думать (*уйлата*), заставляет работать (*эшләтә*), бегать (*йөгертә*), плакать (*елата*) и даже запрягая человека в упряжку. Как активный субъект действия *тормыш* также является источником знаний, он меняет человека: меняет человека (*кешеләрне үзгәртә*), проверяет (*сыный*); поучает (*яшәргә өйрәтә* 3,5 %, *акыл кертә*), морочит голову (*баишы катыра*).

Интересно, на наш взгляд, что в ассоциациях *тормыш* представлен как звуко-воспроизводитель: *гөрли* (3,5 %), *шаулы* (1 %), *аһ-ваһ килә* (0,16 %), *сайрый* (0,16 %), *гәжли*.

Со словом *дөнья* в сознании татар связываются образы округлых предметов (*куласа, алма, түгәрәк, йомры, тәгәри* н.б.), образ воды (*дәръя, диңгез, ташкын, бормалы, зур кәстрүл, кайный, үз агымы белән бара, йөзә, ага* н.б.), образ дома (*зур бер өй, гаилә*) н.б.

На основании вышеизложенного эмоционально-оценочный компонент слова *тормыш* определяется нами как положительный и несет в себе эстетическое восприятие мира. В предикативных признаках, ассоциированных татарами, *тормыш* предстает как антропологизированный живой, динамичный и «перспективный» субъект, имеющий свойства круга и тесно связанный с жизнью человека.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 13-14-16014а/В.

Литература

1. Бижеева З.Х. Язык и культура. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2000. – 288 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 364 с.
3. Уфимцева Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских // Язык. Сознание. Культура [электронный ресурс]: сб. материалов семинара по проблемам языкового сознания. – М., 2006.